

УДК 811.161.1'27:808.1:821.161.1-31

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ОБЩЕНАРОДНОГО ЯЗЫКА
В СЛОВЕСНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(на материале повести В.А. Титова «Всем смертям назло»)**

© 2023 *И.П. Зайцева*

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье анализируется использование в повести «Всем смертям назло» В.А. Титова, известного луганского прозаика советского периода, языковых средств, отражающих многообразие форм, в которых существует в настоящее время русский общенародный язык, вобравший в себя языковые средства во всём их разнообразии – включая как кодифицированные, так и относящиеся к нелитературным. Рассмотрение взаимодействия в одной из форм персонажной речи – речи прямой (внешней), заключённой в произведении в формы диалога и полилога, – демонстрирует активное обращение писателя к введению в высказывания героев произведения наряду с общеупотребительными единицами языка средств, функционирующих в иных коммуникативно-речевых сферах: разговорных, просторечных, профессионально-жаргонных, диалектных и т.п. Авторское объединение в художественном дискурсе языковых элементов всех перечисленных групп, отчётливо опирающееся на принцип эстетической мотивированности, представляется не только оправданным, но и существенно способствующим воплощению в прозаическом произведении особенностей индивидуально-авторской манеры писателя, что придаёт авторскому стилю повести безусловное своеобразие.

Ключевые слова: общенародный язык, нелитературные формы существования языка, художественная речь, прозаический художественный дискурс, персонажная речь, прямая речь, диалог, полилог, разговорные средства, просторечие, профессионализмы, диалектизмы.

Язык словесно-художественных произведений (художественная речь) представляет сложный и многогранный феномен, своеобразие функционирования которого в невероятном разнообразии воплощающих его коммуникативно-речевых образований (текстов) исследовано ещё далеко не полностью. Среди прочего, это обусловлено и широкими диапазонами жанрово-стилистических форм, которые существуют в рамках каждого из трёх основных родов художественной литературы, а также отсутствием каких бы то ни было ограничений для использования в словесно-художественных произведениях **любых** средств общенародного языка, в том числе и входящих в коммуникативно-речевые сферы явно нелитературного характера. На последнюю из отмеченных особенностей не раз обращали внимание исследователи, приводя это положение в том числе и в как аргумент о неправомерности включения языка художественной литературы в систему функциональных стилей (в качестве художественного стиля), подчёркивая иную природу этого явления. Ср., например, приводимые далее высказывания известных учёных: «Вопрос о «правильности» языка в художественном тексте (например, о допустимости просторечия, диалектизмов, арготизмов, как и профессионализмов, канцеляризмов и т.п.) просто не важен: для писателя **всё, что есть в общенародном языке, – это всё средства изображения и выражения**, при этом выбор конкретной «краски» диктуется не оглядкой на языковую нормативность, а художественной целесообразностью, эстетической мотивированностью (вспомним топографический план Бородинского сражения не в учебнике истории, а в художественном тексте – в «Войне и мире»). **Как в литературе нет запретных тем, так в языке художественной литературы нет запретных слов**» (выделено мною – И. З.) [8, с. 33]; «Речь художественная вбирает самые разные формы

речевой деятельности, включая нехудожественные (например, дневники или мемуары, смс-цитаты, отрывки электронных сообщений и другое)» [7, с. 208] и др.

Выбор тех или иных речевых средств, вводимых автором в словесно-художественную структуру, регулируется, таким образом, принципом, который в наиболее общем его виде А.С. Пушкиным был определён как *принцип соразмерности и сообразности*, а позднее получил название *принципа эстетической мотивированности*. Однако действие этого принципа, в том или ином виде проявляющееся во всех без исключения словесно-художественных произведениях, безусловно, ограничивается при этом влиянием разного рода факторов, среди которых уже упомянутые родолитературные и жанрово-стилистические параметры, в соответствии с которыми создано произведение литературы, а также время написания последнего, его принадлежность к определённому литературному направлению либо школе и т. п.

Так, например, в прозаическом художественном произведении, в структуре которого взаимодействуют такие композиционно-речевые зоны, как *авторская речь* и / или *речь рассказчика*; *персонажная речь* (разграничиваемая как минимум на *внешнюю* и *внутреннюю*); *несобственно-прямая (несобственно-авторская) речь*, наиболее широкие возможности для использования автором всего спектра форм общенародного языка создаются при воплощении речевых проявлений персонажей. Именно в речи персонажей литературных произведений, где характерологическая функция и сопутствующие ей (контактоустанавливающая, экспрессивная и т. п.) являются приоритетными, употребление разного рода нелитературных речевых средств не только возможно, но в ряде случаев и крайне уместно, поскольку, помимо прочего, позволяет более явно воплотить в художественном тексте особенности индивидуально-стилистической манеры автора. (Это, конечно, не исключает возможностей введения нелитературных языковых средств в иные композиционно-речевые зоны прозаического текста, однако представляется, что в таких случаях к их включению автору необходимо подходить более продуманно и эстетически оправданно.) При этом индивидуальная манера писателя в большинстве случаев вмещает в себя региональные коммуникативно-речевые черты той территории, на которой разворачиваются изображаемые в произведении события. Таким образом, прозаический художественный дискурс априори ориентирован на объединение в нём языковых средств, которые являются элементами практически всех форм, выделяемых в настоящее время в общенародном языке, чьё взаимодействие в тексте придаёт словесно-художественной структуре своеобразную вербально-подтекстовую «мозаичность», представляющую очевидный исследовательский интерес.

Луганская Народная Республика – часть Донбасса, более года назад ставшая одним из субъектов Российской Федерации, прежде бывшая – на протяжении 30-ти лет – Луганской областью в составе Украины; а в период существования Советского Союза – Луганской, и некоторое время Ворошиловградской, областью в составе Украинской Советской Социалистической Республики. Этот регион нередко называют «плавильным котлом», объединившим представителей множества наций и народностей (по разным подсчётам в регионе их насчитывается от 100 до 130), которые, соответственно, являются и носителями различных культур и языков, точнее – лингвокультур, взаимодействующих между собой и оказывающих друг на друга определённое влияние. При этом наиболее широко распространёнными на Луганщине являются сегодня две ветви восточнославянской лингвокультуры – русской и украинской, восходящие к общей – древнерусской – основе, чем и обуславливается их близкое родство и безусловное сходство во многих проявлениях.

Взаимодействие этих лингвокультур отражается в первую очередь в нелитературных формах существования общенародного русского языка, которые системно обобщены в приводимой ниже схеме из пособия Н.Б. Мечковской «Социальная лингвистика», где функциональная структура общенародного (национального) языка представлена как иерархия всех форм его существования [8, с. 33]:

ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК	Литературный (нормированный) язык	Кодифицированный литературный язык	Официально-деловые стили	Научно-технические стили	ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
			Язык радио, телевидения, газет		
		Устная публичная речь			
	Нелитературные формы существования языка	Неком-фициро-ванная бытовая речь	РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ		
			Просторечие	Молодежное аргю, сленг	
		Территориальные диалекты	Профессиональное просторечие, социальные аргю.		

Эту схему Н.Б. Мечковская снабжает подробным комментарием, в котором, в частности, сказано: «Формами существования языка являются территориальные диалекты (говоры), наддиалектных языковых образований (койне), различные социальные диалекты (профессиональная речь, профессиональные аргю, тайны корпоративны языки, кастовые языки), просторечие, молодёжное аргю, обиходно-разговорная речь, литературный язык. **В принципе, все формы существования языка (исключая тайные языки) доступны пониманию в пределах данного народа.** Формы существования языка различаются между собой составом языковых средств, социальным статусом (кругом функций, сферами употребления), степенью и характером нормирования» (выделено мною. – И.З.) [8, с. 30–31]. Если проанализировать лингвокультурный «ландшафт» Луганщины, опираясь на приведённую схему устройства общенародного русского языка, то можно убедиться, что в нём в той или иной степени присутствуют все представленные на схеме нелитературные формы существования языка (литературные формы при этом в наличии «по умолчанию»): всё ещё сохраняющиеся *территориальные диалекты* (безусловно, уже в значительно сократившемся объеме), причём как языка русского (говоры *южнорусского* и *слобожанского* наречий), так и украинского языка (говоры *юго-восточного* наречия); получившее весьма широкое распространение, причём в различных группах носителей языка, *просторечие*; несколько групп *профессионального просторечия*, используемого представителями распространённых в регионе профессий (применительно к Луганскому краю, как и к Донбассу в целом, в этом случае чаще всего отмечают присутствие в языковой палитре региона *профессионального языка шахтёров*, в котором немало просторечных элементов); группы *сленговых* языковых средств, прежде всего, как и во многих других регионах, это *сленг молодёжный*.

Представляющие Луганщину авторы словесно-художественных произведений разных жанров часто обращаются к функционирующим в коммуникативном пространстве региона речевым средствам различного характера. Это, например,

родившийся в Луганске и проживший в этом городе больше 20-ти лет выдающийся поэт, публицист и сценарист Михаил Львович Матусовский, в лирических произведениях которого, наряду с литературными речевыми средствами, функционируют разговорные и просторечные речевые единицы, профессионализмы и т. п. (исследование этой проблемы представлено, в частности, в работах Т.А. Дьяковой [4]).

Владислав Андреевич Титов, вне всякого сомнения, принадлежит к плеяде сформировавшихся в контексте многоликой донбасской лингвокультуры талантливых писателей-прозаиков, которым удалось отразить в произведениях не только неповторимость природы родного края и иных особенностей «внешнего бытия» его жителей, но и – что, пожалуй, наиболее важно – уникальность характера своих земляков. Автор монографии «Культура Луганска: 1961–1991» (2022) Анна Шульгина, оценивая значение творчества этого писателя уже с позиций сегодняшнего дня, так характеризует самое известное произведение этого писателя – повесть «Всем смертям назло»: «Ворошиловградское отделение Союза писателей Украины было создано в 1965 году, в него вошли 12 поэтов и прозаиков. В литературной жизни города за 30 лет самым значительным событием стало издание повести Владислава Титова «Всем смертям назло». Она была издана на 25 языках мира. Повесть читали не только в странах социализма, но и в Японии, Индии, Канаде» [17, с. 6]. Вышедшая в свет в 1967 году повесть «Всем смертям назло», принеся её автору, В.А. Титову, мировую известность, автобиографична: прототипом главного героя Сергея Петрова, с которым происходит трагедия, стал сам писатель: именно с ним, во время его работы на одной из шахт тогдашней Луганской области, произошёл несчастный случай, лишивший его обеих рук и едва не стоивший ему жизни.

В повести «Всем смертям назло» реализован *объективированный* тип *авторского* повествования, при котором описание изображаемых событий ведётся от **3-го** лица; в данном случае реализуется та его разновидность, когда «рассказчик не назван и не обозначен местоимением я и формами первого лица глаголов, но выделяется стилистически, с помощью языковых средств» [3, с. 357].

Для стилистического выделения рассказчика в авторском повествовании рассматриваемого произведения используются преимущественно разговорные языковые средства, не особенно диссонирующие с литературными – ср., например, как стилистически выделен рассказчик в одном из эпизодов начальных глав повести: *«Сергей Петров шёл по штреку в лихо сдвинутой набекрень шахтёрской каске. Казалось, крикни кто «гопля» – и он пустится в пляс, стремительный, неугомонный и несуразный. Сергей торопился. И не потому, что того требовала работа. Нет. Просто им владел ничем не объяснимый восторг и очень хотелось поскорее выехать на-гора, поближе рассмотреть солнышко. К тому же в столе начальника участка его ждали подписанные документы на отпуск»* [12, с. 122].

В приведённом фрагменте для описания состояния главного героя повести, Сергея, автор прибегает к введению в повествование нескольких образно-оценочных элементов, среди которых как собственно языковые: *лихо сдвинутой набекрень* (каска); *«гопля»* («**НАБЕКРЕНЬ**, нареч. (разг). О головном уборе: с наклоном набок, сдвинувшись к уху. *В шапке набекрень.*» [12, с. 472]; *«ГОПЛЯ* межд. Разг. То же, что и гоп» [1, Т. 4, с. 285]), так и индивидуально-авторские – как, например, трёхкомпонентная «цепочка» эпитетов к слову *пляс*, из которых минимум один (*неугомонный*) является олицетворяющим: (*пустится в пляс*) *стремительный, неугомонный и несуразный*. В сочетании с разговорным выражением *пуститься в пляс* («**ПЛЯС** ... (разг). То же, что пляска. *Пуститься в пляс.*» [13, с. 655]) и в результате

введения в сложную синтаксическую конструкцию с контрастирующими частями (это контрастирование в данном случае дополнительно подчёркнуто употреблением пунктуационного знака *тире*, который А.М. Пешковский охарактеризовал как «знак отчаяния») экспрессивность индивидуально-авторского тропа, функционирующего в таком контексте, явно повышается.

Помимо этого, в рассматриваемом текстовом фрагменте функционирует явный **профессионализм** («стилистически маркированное слово, ... называющее представление и формирующееся понятие какой-либо области профессиональной деятельности, используемое в устной речи специалистов в условиях полуофициального или неофициального общения на профессиональные темы» [15, с. 492]) – употребляемое в речи шахтёров наречие **на-гора**: «**НА-ГОРА**, нареч. В речи шахтёров – наверх, на поверхность земли. ◇ *Выдавать, подавать* и т. п. *на-гора*. *Уголь подавался на-гора равномерно, партия за партией*. Игишев. Шахтёры» [2, Т. 11, с. 86]. Этот элемент профессиональной речи вполне гармонично «вписывается» в анализируемый контекст, поскольку основной сферой функционирования профессионализмов является разговорная форма той функционально-стилистической разновидности литературного языка, которую обозначают как *язык для специальных целей* – «особой функционально-семиотической подсистемы, которая используется для профессионального общения, накопления, передачи и интерпретации специальных знаний, а также для оценки реалий профессиональной сферы» [16, с. 775].

Во всех возможных формах представлен в повести В. Титова композиционно-речевой пласт **персонажной** речи: *прямая* речь, *косвенная* речь, *внутренняя* речь и *несобственно-прямая* речь – синкретичная форма, в которой во взаимодействии объединены речь персонажа и речь автора. Остановимся на более подробном рассмотрении функционирования в повести **прямой**, или **внешней**, речи, оформленной в основном как *диалог* либо *полилог* (иногда с небольшими по объёму «вкраплениями других форм речи персонажей).

Прямой речи в *диалогической форме*, включая *полилоги* с небольшим числом коммуникантов (обычно – три-четыре), в рассматриваемом произведении отведена существенная роль: в них участвуют и главные герои повести, Сергей Петров и его жена Татьяна, и те персонажи, которые появляются в ней эпизодически. Так, в самом начале повести, когда описывается обстановка в шахте – на рабочем месте Сергея – ещё до случившейся трагедии, помещён значительный по объёму фрагмент с конструкциями прямой речи, который начинается разговором Сергея с персонажем, обозначенным как «рабочий», а завершается его беседой с бригадиром Яцко, «старым шахтёром», с которым Сергея, судя по тональности общения, связывают не только профессиональные, но и тёплые дружеские отношения: «*Цепь транспортёра натянулась, предупреждая дернулась два раза и поползла вниз, волоча крупные плиты угля. В лаве, куда приполз Сергей, работал комбайн.*

– *Как дела?* – стараясь перекричать шум, спросил он у рабочего.

– **Рубаем** понемногу! – приветливо улыбнулся тот, обнажая белый ряд зубов на чёрном лице.

– *Цикл сделаем, если порожнячком обеспечат, будь они неладны!* – вмешался в разговор бригадир Яцко.

– *Начальник ВШТ на планёрке обещал вашей лаве сто вагонов! Хватит?* – поинтересовался Сергей.

– **Под загашник!** – обрадовался бригадир. Сергей, кивнув в сторону рабочего, спросил:

– Новичок?

– Со школьной скамьи пожаловал к нам. *Университет шахтёрский проходит...* Старый шахтёр вложил в эти слова немалую долю доброго лукавства.

– Ну и как он? *Тянет?*

– Вообще я должен тебе сказать, – длинно начал Яцко, – из парня *толк будет.*

Есть у него *шахтёрская жилка!*

– А какая она, эта жилка, *дядь Петь?* – пошутил Сергей.

– Ты, *Серёга*, не смейся! Этот не сбежит, *коли* вода за шею начнёт капать *аль в другоразье* в кассе получать нечего будет. Зол он на эту *стихею!* Так и говорит: «Обуздать хочу её». Вон кое-кто подшучивает над ним, а я верю. И как тут не верить! Его *батя*, друг мой, таким же *настырным* был. *Врубовку* в сорок шестом хотел спасти и... машину спас, а себя... Видел обелиск за шурфом стоит... *Маркшейдеры* сказали, что там, под тем местом, он... а над ним четыреста метров земли... Солдат известен, а вот могила его... Да кто ж точно скажет – где она...

Шахтёр с силой ударил обушком, поправил глазок фонаря и принялся яростно выдалбливать ямку для крени» (выделено мною. – И. З.) [12, с. 123].

Даже при первом знакомстве с приведённым фрагментом очевидно, что своеобразие включённых в него диалогов в значительной степени создаётся взаимодействием в них общеупотребительных языковых средств с элементами языка, входящих в различные нелитературные формы общенародного языка: *разговорными, просторечными*, относящимися к *профессиональным жаргонам* и даже несколько трансформированными *диалектными*.

Так, весьма обширную группу составляют функционирующие в рассматриваемом фрагменте *разговорные* и *просторечные* языковые средства, которые довольно часто сложно отграничить друг от друга, на что не однажды обращали внимание исследователи. Ср., например, одно из высказанных по этому поводу мнений: «**ПРОСТОРЕЧИЕ** – речь лиц, недостаточно овладевших нормами литературного языка. ...

Просторечие необходимо отграничивать от разговорной речи – они различаются и по составу носителей, и по языковым особенностям, и по отношению к литературному языку. Выделяются «два круга носителей современного просторечия: горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом и полудиалектом (просторечие-1), и горожане среднего и молодого возраста, ... не владеющие нормами литературного языка; их речь лишена диалектной окраски и в значительной мере жаргонизирована (просторечие-2)» [Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация 2003: 56]» (во втором случае выделено мною. – И.З.) [6, с. 488]. При этом иногда довольно сложно провести границу и между *просторечиями* и *профессионализмами*, поскольку последние нередко представляют собой именно *профессиональные просторечия*.

Опираясь на самый авторитетный сегодня толковый словарь русского языка – «Большой академический словарь русского языка» (БАС 3), как профессионализмы в анализируемом тексте можно квалифицировать следующие элементы языка шахтёров: *рубать, лава* (дважды), *врубовка, крень*. Эта квалификация подтверждается описанием значений перечисленных лексических единиц, помещённых в указанном лексикографическом источнике: «**РУБАТЬ ... 2.** В проф. речи – добывать, высекать уголь в шахте. – *Да что о нём помнить, о старом? Как в ад попадали в забой, На графа рубали задаром, Своей умывались слезой.* С. Васильев, Рассказ старого шахтёра»

[2, Т. 24, с. 55–56]; «**3. ЛАВА** ... В подземной горной выработке – забой большой протяжённости. *Наконец они дошли до своей лавы. В её узком и тесном пространстве нельзя было работать ни стоя, ни сидя; приходилось отбивать я уголь, лёжа на спине.* Купр. В недрах земли» [1, Т. 9, с. 14]; «**ВРУБОВКА** ... В проф. речи – врубовая машина. *Появились машины, каких не было до войны: новые, совершенные врубовки, мощные электровозы, угольные комбайны.* Полторацк. В Донбассе. *Пласт, подрубается врубовкой, дробится силою взрыва.* Волошин. Земля Кузнецкая» [1, Т. 3, с. 243]; «**1. КРЕПЬ** ... Сооружение в горнорудной выработке для предотвращения обвалов. *По горному уставу каждая шахта должна укрепляться в предупреждение несчастных случаев деревянным срубом, ... но зимой, когда земля мёрзлая, на промыслах почти везде допускаются круглые шахты, без крепи.* Мам.-Сиб. Золото» [1, Т. 8, с. 619]. В эту же тематическую группу можно, на наш взгляд, включить номинацию *маркшейдер* – обозначение специалиста по геодезическим съёмкам горных разработок и эксплуатации недр не только в угледобывающей промышленности, но и во всех производственных областях, связанных с добычей полезных ископаемых.

Все перечисленные профессионализмы взаимодействуют в приведённом фрагменте, включающем два диалога, с разговорными и просторечными лексическими единицами, к которым, в соответствии с данными «Большого академического словаря русского языка», принадлежат слова и выражения: *порожнячок, под загашник, тянуть, толк будет, шахтёрская жилка, батя, настырный*. Упомянутый словарь содержит следующие их толкования: «**ПОРОЖНЯК** ... 2. Разг. Транспорт, идущий без груза. ... *Игнат катает, Матвей еле-еле успевают загрузить порожняк.* Жестев, Тархановы» [2, Т. 18, с. 771]; «**ЗАГАШНИК** ... Прост. Место, где что-то хранится, спрятано. ... *Пока профессор рассказывал про лиловый сон, лётчик извлёк из загашника свой персональный пузырь от воблы.* Конецкий. Третий лишний» [1, Т. 6, с. 111]; «**ТЯНУТЬ** ... 15. перен., на кого-что. Удовлетворять необходимым требованиям, соответствовать чему-н. (разг.). ... *Он не тянет на бригадира*» [13, с. 1012]; «**ТОЛК**¹ ... (разг.). ... 2. Польза, прок. *Добиться толку* (добиться того, что нужно). *Понимать или знать толк в чём-н.* (быть знатоком, разбираться в чём-н.)» [13, с. 987] «**ЖИЛКА** ... 6. Перен. Разг. Способность, природная склонность к чему-л. ◊ *Жилка* какая-л., чья-л. *Хозяйственная жилка. Педагогическая жилка.*» [1, Т. 5, с. 661]; «**НАСТЫРНЫЙ** ... Разг. 1. Упорный. Чрезвычайно настойчивый. *Работница вдруг оказалась очень требовательной, или, по-старому, по-фабричному говоря, «настырной».* Б. Полев. Чел. – человеку» [1, Т. 11, с. 406]; «**БАТЯ** ... 1. Разг. Отец. ... – *Батя*, – сказал я и присел возле него. *Отец поднял на меня мутные глаза.* Первенц. Честь смолоду» [1, Т. 1, с. 420].

Приведённый перечень словарных толкований нуждается, с нашей точки зрения, в некоторых комментариях. Во-первых, использованное в рассматриваемом тексте слово *порожнячок*, образованное при помощи суффикса субъективной оценки от номинации *порожняк*, отличается явными признаками профессионализма, поскольку последняя является часто употребляемой в речи шахтёров. Отчасти это подтверждается иллюстративным материалом, которым снабжается толкование данного значения этого слова в толковых словарях – например, в академическом «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах (БАС) в соответствующей словарной статье приведена фраза из романа А.Н. Волошина «Земля Кузнецкая» – о жизни шахтёров в не менее известном, чем Донбасс, российском угольном крае, Кузбассе: «– Я говорю о необходимости обеспечить порожняком скоростные забои» [10, стб. 1385]. В данном случае, как представляется, уместно будет также вспомнить и весьма распространённую в речи представителей Донбасса, причём самых разных социальных

слоёв, фразу *Донбасс порожняк не гонит*, которая возникла в 40–50-е годы XX века, заключив в себе своего рода моральную «компенсацию» шахтёрского труда, не только тяжёлого, но и опасного. Этой фразе, принадлежащей к фонду так называемой народной фразеологии, безусловно, присуща сниженная – *разговорно-просторечная* – стилистическая окраска и вместе с тем довольно высокая степень экспрессивности.

Во-вторых, представляется, что перечень разговорно-просторечных речевых единиц, функционирующих в анализируемом фрагменте текста, может быть дополнен выражением явно разговорного характера *проходить шахтёрские университеты*, где компонент *университеты* использован в переносном значении, свойственном разговорному языку – ср.: «УНИВЕРСИТЕТ ... 3. перен. Об источнике накопленных знаний, большого опыта. *Жизнь была его университетом*» [13, с. 1029].

Разговорная тональность диалога между Сергеем и бригадиром Петром Яцко, временами переходящая в разговорно-просторечную, проявляется ещё в ряде особенностей. В частности, стоит обратить внимание на формы личных собственных имён, используемых коммуникантами при обращении друг к другу: *Серёга* (разговорно-просторечный вариант имени *Сергей*, с оттенком фамильярности, но обладающий при этом положительной коннотативной семантикой, поскольку в большинстве случаев передаёт доброжелательное отношение к собеседнику) и *дядь Петь* (усечённый вариант распространённого в русской лингвокультуре обращения к знакомому и старшему по возрасту собеседнику (*дядя ...*)), используемого в разговорном общении – как правило, фатического характера).

Бригадир Яцко (именно к нему Сергей Петров обращается, используя вариант имени *дядь Петь*) не входит в число главных героев повести, тем не менее характеризуется автором выразительно и, на наш взгляд, талантливо именно через его речевые проявления. В приведённом диалоге этому персонажу принадлежит несколько реплик, одна из которых (наиболее пространная) отличается явной монологизированностью; именно в ней сосредоточены показательные особенности его речи. Кроме уже отмеченных профессионализмов и разговорно-просторечных элементов, в речи Яцко функционирует несколько диалектизмов, употребление которых в речи современных носителей языка практически сошло «на нет». Это характерные для диалектного языка союзы (*коли, аль*), чаще квалифицируемые словарями как *просторечные* и *устаревшие* единицы языка: «КОЛИ, КОЛЬ, КОЛИ, союз условн. Устар. и прост. Если; в том случае когда; при условии, что. *Коль ты старый человек, Дядей будешь нам навек. Коли парень ты румяный, Братец будешь нам названный.* Пушкин. Ск. о мёртв. царевне...» [1, Т. 8, с. 232]; «АЛИ, АЛЬ, союз. Устар. и прост. 1. Или (в разделительном знач.). ... – *Мать-то где – в избе али в огороде копаются?* Крутилин, За косогором. 2. Или (в вопросительном знач.); разве, неужели. [Никита:] *Что же, матушка, аль и вправду женить меня?* Л. Толст.» [1, Т. 1, с. 159].

Кроме этого, в речи бригадира присутствует слово, которое, с нашей точки зрения, можно квалифицировать как *диалектный неологизм*, созданный на основе уже имеющейся диалектной номинации. Это используемое им слово *другоразье*, которое, судя по контексту, практически совпадает по значению со сходно звучащим элементом диалектного языка – *другорядь*: ср. толкование, помещённое в «Словаре русских народных говоров»: «*Другорядь* и *другорядь*, нареч. В другой раз, вторично, опять; вдругорядь. Пск., Осташк. Твер., 1855. □ Д р у г о р я д ь. Бельск. Смол., 1852. Смол. Старик ему крикнул: – *Вылазь, Ванюшка!* – а он не вылазя. *Другорядь* крикнул: – *Если не вылезешь, то я те камнем завалю.* Егор. Ряз., Смирнов. Костром. Енот. Астрах. *Другорядь тык нам и не ходи.* Волог. Кирил. Новг. *Первое стегнёт (плетью) – так*

семь рубцов, А другорядь-то стегнёт – так четырнадцать. Вят., Соболевский. Он однажды им стегнёт [черешком] – семь рубцов, Он другорядь-то – четырнадцать. **Арх. Сев.-Двин., Том., Иркут.** Первот раз ходили, дак по ведру набрали, а другорядь – совсем, можно сказать, нищеве не принесли. **Свердл. Шадр. Перм.** Другорядь захожу и всё застать не могу, когда он дома-то бывает. **Краснояр.** Кокчет. Акм.» [9, с. 211]. Из приведённой словарной статьи явствует, что диалектизм **другорядь** функционирует в говорах *севернорусского* и *среднерусского* наречий, но никак не *южнорусского*, в зоне которого находится изображаемая в повести В.А. Титова Луганщина. Это дополняет речь Яцко – безусловно, с подачи автора – «инородным» диалектным элементом, что придаёт его речевой характеристике дополнительное своеобразие. На придание особого колорита речевому образу персонажа «работает» и такая особенность рассматриваемого текста, как отражение в нём диалектно-просторечного произношения общеупотребительного слова **стихия**: отзываясь об одном из членов своей бригады, Яцко произносит его как **стихея** (*Зол он на эту стихею!*).

Таким образом, в достаточно небольшом по объёму диалоге автору повести удаётся весьма развёрнуто и глубоко воплотить характерные речевые особенности бригадира Петра Яцко, что, по нашему мнению, является одним из свидетельств его писательского таланта.

Представляется, что внимания заслуживает ещё один из диалогов повести, помещённых в части повести, где изображены события до случившейся трагедии, – разговор Сергея Петрова с одним из проходчиков, Игорем:

*«С трудом протиснувшись в узкий проход, он вылез **из лавы** на вентиляционный **штрек**. В забое **штрека** работала бригада **проходчиков**.*

– Игорь! – позвал Сергей.

*Луч света поднялся под самую кровлю, метнулся **по штреку** и упёрся в Сергея.*

*– **Це ты!**.. – пробасил долговязый парень.*

*– Кто делал выход **из лавы**?*

– Мы. В чём дело? Узковат?

– Какой ты догадливый!

– Дело поправимое, можно расширить.

*– Не можно, а нужно, и немедленно! Не первый же день в шахте работаете, **черти полосатые!** Только вчера на комсомольском собрании об этом говорили. Ну как с гуся вода!»* (выделено мною. – И. З.) [12, с. 124].

В приведённом фрагменте, как и в анализируемых ранее, наблюдается очевидное взаимодействие общеупотребительных и нелитературных языковых средств разного характера. Группу уже встречавшихся ранее профессионализмов дополняют такие лексические единицы, как **штрек** и **проходчик**: «**ШТРЕК** ... Горизонтальная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода наземную поверхность. *Транспортный (откаточный) штрек*» [13, с. 1114]; «**ПРОХОДЧИК** ... 1. Рабочий, производящий проходку (во 2-м знач.). ... *В Воркуте он пробыл меньше месяца. Устроился проходчиком на шахту, поселился в гостинице.* Е. Добровол. *Однажды утром*» («**ПРОХОДКА** ... 2. Углубление или продвижение горных выработок в определённом направлении. *Проходка шахтных стволов*» [2, Т. 21, с. 376–377]).

В речи Сергея в этом диалоге употреблены два экспрессивных устойчивых выражения – *разговорное* и *просторечное*: **как с гуся вода**; **черти полосатые!**, – причём первое из выражений функционирует в данном тексте *одновременно в двух значениях*, что нередко наблюдается в художественном дискурсе («**КАК С ГУСЯ ВОДА** Разг. Экспрес. 1. кому. Совершенно безразлично, никак не действует на кого-либо. [Груша:] *Каких бед с*

ним не было! Два раза из проруби вытаскивали, а ему всё как с гуся вода (А. Островский. Не так живи, как хочется). 2. с кого. Легко, быстро, бесследно исчезает, забывается и т. п. что-либо кем-либо. И то надо помнить, что этот грех замолить – плёвое дело. Клади шесть недель по сту поклонов на день, отпой шесть молебнов мученице Самаиде, ради избавления от блудные страсти, всё как с гуся вода, – на том свете не помянется (Мельников-Печерский. В лесах)» [14, с. 82;] «**ЧЁРТ ... 1.** В религиозных представлениях и народных поверьях: нечистый дух, олицетворяющий зло (изображаемый обычно человекоподобным существом, в шерсти, с рогами, копытами и хвостом). ... *Чёрт полосатый* (добродушное выражение неодобрения, порицания; прост.)» [13, с. 1092]).

Наконец, необходимо, с нашей точки зрения, обратить внимание ещё на один нелитературный языковой элемент в анализируемом диалоге. Это **украинизм**, употреблённый в одной из реплик собеседника Сергея – Игоря: – *Це ты!.. – пробасил долговязый парень.* В переводе с украинского языка на русский **це** обозначает это; включение этого иноязычного, хотя заимствованного, безусловно, из близкородственного языка, элемента в русскую речь – свидетельство того, что субъект, которому принадлежат такого рода высказывания, общается *на суржике*. Термином **суржик** обозначается особая форма социального полуязычия – «разновидность языка, представляющая собой смесь русского и украинского языков; используется в условиях контактирования этих языков, характерна для людей с низким культурным уровнем с низкой языковой компетенцией как в области украинского, так и русского языка» [11, с. 222]. Языковые элементы, принадлежащие к суржику, которые свидетельствуют о весьма невысоком уровне культурно-языковой компетенции носителя языка, в художественном произведении, как правило, наделяются выраженной характерологической функцией, что можно наблюдать и в повести В.А. Титова «Всем смертям назло» (более подробно эта проблема освещена в одной из наших работ [5]).

Остановимся на рассмотрении ещё нескольких фрагментов повести, в которых воплощается прямая речь; они помещены в другой части произведения, где описываются события, происходящие **после** трагедии, случившейся с главным героем. Характер этого изложения в принципе отличается от тональности, свойственной описанию событий **до** этого момента, в том числе и потому, что для Сергея Петрова кардинально изменился круг общения: несчастье словно выбросило его из привычной профессиональной среды, переместив в иную – среду больниц и всего, что с этим связано.

В этой части произведения композиционно-речевые структуры с прямой речью также отличаются оригинальностью и образностью, в создании которых сочетание литературных и нелитературных средств играет существенную роль, однако характер этого взаимодействия меняется (так, например, из диалогических фрагментов полностью исчезают профессионализмы); вот как оно представлено в беседе Сергея и Татьяны со случайной попутчицей:

«...Серым, непогожим днём Петровы возвращались в Луганск. В купе сидели троём. Щуплая седая женщина лет шестидесяти, их попутчица, переводила взгляд с Сергея на Таню, с Тани на Сергея и украдкой вздыхала. Всем было неловко и потому молчали. ...

– Жена али кто будешь? – осмелев, быстро спросила попутчица.

– Жена, – коротко ответила Таня и вся как-то подобралась и вытянулась.

– Пензия-то хоть большая? – допытывалась старушка.

– Нам хватает! – резко сказала Таня и отвернулась к окну.

Сергей попросил папиросу, и Таня, ловко чиркнув спичкой, прикурила её и подала ему.

– Спасибо! – буркнул он и вышел в тамбур.

«Ну и вредный народ эти бабки! И всё-то им надо, до всего-то им дело. Теперь, пока всю биографию не разузнает, не отстанет!» – с раздражением думал Сергей; затягиваясь папирсой. Постепенно он успокоился, и мысли его опять занялись протезом» [12, с. 171].

Всего две реплики, произнесённые незнакомой Петровым пожилой женщиной, довольно выразительно её характеризуют, давая понять, что это человек с невысоким уровнем образования и иными чертами, свойственными разговорно-просторечной языковой личности, поскольку в каждой из реплик присутствует просторечная единица языка: союз **аль**, описание значения которого приводилось ранее; а также отражённое в письменной речи просторечное произношение слова *пенсия* (**пензия**), которое к тому же употребляется с постфиксом **-то**, что в данном случае является чертой просторечно-диалектной сферы общения. Это впечатление полностью подтверждает разворачивающийся далее диалог между Даниловной и Татьяной, которая, несмотря на первоначальное нежелание общаться, всё же продолжила разговор, куда позднее включается и Сергей:

«Старушка осмелела и нетерпеливо ёрзала по лавке. «Неприменно допрос над Татьяной учинила, – сдерживая улыбку, подумал Сергей, – и по позе видно, всю подноготную нашу знает. Таня, она человек общительный, любит поговорить».

– То, что от мамы на частную квартиру ушли, так это нехорошо, – очевидно продолжая прерванный разговор, сказала старушка.

– Ничего плохого тут нет, – возразила Таня. – Комнатка у неё маленькая, и потом, зачем ей и видеть, и переживать наши невзгоды. Мы так решили.

– За квартиру-то сколько берут?

– Двадцать рублей.

– Хреста на них нет, на хозяевах ваших!

– А мы неверующие, – вступил в разговор Сергей.

– Вы вот что, **касатики** ... – медленно сказала старушка, – **переходите-ка** жить ко мне. Платы мне никакой не надо, нам со стариком **пензии** хватает. Места на всех будет. Переходите. И нам веселее, и вам сподручнее. Дом у нас свой, кирпичный, **под черепицу**, газ наведни провели. Переходите, **касатики**.

– Ну что вы, **Даниловна**, – смущённо ответила Таня. – Нам и там хорошо. Правда, Серёж?

– Как же? Вот так сразу и ... **переходите**. Вы нас, мы вас не знаем, – возразил Сергей.

– **И-и-и-их, сынок** ... – вздохнула Даниловна и подпёрла подбородок рукой, – **шестьдесят второй годок** на людей гляжу, **чай**, пора и различать их научиться. **На лбу** у каждого, и **не написано**, кто он, да всё равно видно.

Она сидела маленькая, тихая, с большими грубыми руками в тёмных прожилках вен, и Сергею вдруг стало стыдно за свои скоропалительные мысли о ней. «Из породы Егорычей», – подумал он.

– Спасибо, **Даниловна!** – искренне сказал Сергей. – Пока нужды большой в этом нет, а **припечёт** ...

– Дело ваше. Подумайте. А **адресок на всяк случай** возьмите. Это недалеко от вас, на улице **Артёма**. И **перебраться поможем**» (выделено мною. – И. З.) [12, с. 172].

В приведённом полилоге **Даниловна** (именно так называет собеседницу Сергей, используя типичную для русской лингвокультуры форму личного имени при обращении к пожилым людям в непринуждённом общении – по отчеству) проявляет себя в речи более полно. Её реплики включают *разговорные*, *разговорно-просторечные* и *просторечно-диалектные* элементы языка различного характера. Это собственно *лексические* единицы:

касатик, **и-и-и** (данное междометие, с нашей точки зрения, включено в текст одновременно в двух имеющихся у него значениях), **чай** (в значении частицы), **сыннок** («1. **КАСАТИК** ... Нар.-поэт. и разг. Ласковое обращение к мужчине, мальчику. – *Что так рано поднялся, касатик? – дружелюбно, как к старому доброму знакомому, обратилась к нему старуха-хозяйка.* Л. Толст. Анна Карен.» [1, Т. 7, с. 691]; «4. **И, и-и** (обычно с повторением), *межд. Разг. 1.* Употр. в ответной реплике для выражения несогласия со словами собеседника, возражения ему и т. п. – *Да, страшно, Виктор Александрович.. – И-и, какой вздор, моя любезная: в чём нашла страх!* Тург. Свиданье. ... 2. Употр. для подчёркивания высокой степени, величины чего-л. – *А мороз-то крепчает!.. выходил я, и-и студёно!* Златовр. В артели» [1, Т. 7, с. 11–12]; «**СЫНОК** ... 2. Ласковое обращение пожилого человека к мальчику, молодому мужчине (прост.)» [13, с. 965]; «**ЧАЙ**² (прост.). 1. *частица. ... 2. вводн. сл.* По-видимому, вероятно. *Ты, чай, его знаешь?*» [13, с. 1082]); *орфоэпические*: помимо уже упоминаемого просторечного произношения слова *пенсия* (**пензия**), в тексте зафиксировано просторечное для русского языка произношение слово *крест*, употреблённого в форме родительного падежа (**хреста** вместо литературного *креста*), которое характерно для донбасского суржика; а также произношение **всяк** вместо *всякий* (краткая форма – усечённая – форма местоимения, архаичная для современного русского языка, но бытующая в просторечном и диалектном общении; словообразовательные: *за квартиру-то, переходите-ка, годок, адресок* – и некоторые другие особенности.

Таким образом, разнообразные элементы, которые входят в состав нелитературных форм, образующих общенародный русский язык, активно привлекаются автором повести «Всем смертям назло», В.А. Титовым, в качестве языкового материала, вводимого в различные композиционно-речевые зоны художественного прозаического дискурса: как в *авторское* изложение, так и в формы, заключающие *персонажную* речь.

Рассмотренные в данном случае фрагменты произведения, в которых заключена *прямая* (внешняя) речь как главных героев, так и эпизодических персонажей повести, воплощаемая в формах *диалога* и *полилога* (иногда в сочетании с иными формами персонажной речи, в частности – речью *внутренней*), с нашей точки зрения, достаточно убедительно свидетельствуют о явной опоре автора на принцип *эстетической мотивированности*. Именно этим принципом регулируется в повести «Всем смертям назло» не только авторский отбор, но и организация писателем языкового материала в произведении, что способствует приданию художественному прозаическому дискурсу очевидного индивидуально-авторского своеобразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. – М.–СПб.: Наука, 2004–2007. – Т. 1. А–Бишь – 662 с.; Т. 3. Во – Вящий. – 664 с.; Т. 4. Г–День. – 678 с.; Т. 5. Деньга–Жюри. – 694 с. Т. 6. З–Зятюшка. – 826 с.; Т. 8. Каюта–Кюрины. – 839 с.; Т. 9. Л–Медь. – 659 с.
2. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А. С. Герд. – М.–СПб.: Наука, 2008–2017. – Т. 11. Н–Недриться. – 633 с.; Т. 18. Подлец–Порою. – 772 с.; Т. 21. Прodelать–Пятью. – 630 с.; Т. 24. Розница–Сверяться. – 671 с.
3. Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности. 10–11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. – 9-е изд. / А.И. Горшков. – М.: Просвещение, 1996. – 336 с.
4. Дьякова Т.А. Особенности использования диалектного сегмента стилистически маркированной лексики в произведениях Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та: Гуманитар. исслед. Науч. журн. – 2021. – № 2 (31). – С. 93–100.
5. Зайцева И.П. Эстетически мотивированное осмысление региональных лингвокультурных особенностей в повести В.А. Титова «Всем смертям назло» / И.П. Зайцева // Лингворегиионоведение в

восточнославянском пограничье : российско-белорусский локус : сборник научных статей / Ред. колл. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. – Брянск : РИСО «БГУ», 2023. – С. 77–83.

6. Киселёва Л.А. Просторечие / Л.А. Киселёва // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сквородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 488.

7. Кравченко Э.Я. Речь художественная / Э.Я. Кравченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко]. М. : Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 208–210.

8. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 207 с.

9. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. – Т. X. П – Поясочек. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 1774 стб.

11. Словарь социолингвистических терминов / Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.

12. Титов В.А. Всем смертям назло // Титов В.А. Проходчики. Всем смертям назло. – М. : Советский писатель, 1983. – С. 121–298.

13. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

14. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

15. Фельде О.В. Профессионализмы / О.В. Фельде // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сквородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 492.

16. Фельде О.В. Язык для специальных целей / О.В. Фельде // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сквородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 775–776.

17. Шульгина А. Культура Луганска : 1961–1991 / А. Шульгина. – Луганск : «Автор», 2022. – 120 с.

Поступила в редакцию 01.12.2023 г.

INTERACTION OF DIFFERENT FORMS OF NATIONAL LANGUAGE IN VERBAL-ARTISTIC DISCOURSE (based on the story “All the Deaths to Spite” by V.A. Titov)

I.P. Zaitseva

The article addresses linguistic means reflecting the variety of forms, in which the Russian national language currently exists, including both codified and non-literary ones. The analysis is based on the use of these means in the story “All the Deaths to Spite” by V.A. Titov, the famous Soviet prose writer from Lugansk. Consideration of the interaction in one of the forms of character speech, i.e. direct (external) speech in the forms of dialogue and polylogue, demonstrates the writer’s active appeal to the introduction into statements of the heroes of the work along with commonly used units of language means functioning in other communicative and speech spheres: means of colloquial, professional slang, dialect, etc. The author’s integration in the artistic discourse of linguistic elements of all these groups, clearly based on the principle of aesthetic motivation, seems not only justified. It significantly contributes to the embodiment in a prose work of the features of the individual author’s style, which makes the author’s style in the story unconditionally original.

Key words: national language, non-literary forms of language existence, artistic speech, prosaic artistic discourse, character speech, direct speech, dialogue, polylogue, colloquial means, vernacular, professionalisms, dialectisms.

Зайцева Ирина Павловна.

Доктор филологических наук, профессор.
УО «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова».
Заведующий кафедрой мировых языков.
E-mail: irinazaj91@mail.ru

Zaitseva Irina Pavlovna.

Doctor of Philology, Professor.
Vitebsk State University named after P.M. Masherov.
Head of World Languages Department.
E-mail: irinazaj91@mail.ru